

18+

**ЛОЛА ШОКОВА**

A man with dark hair, wearing a grey suit, white shirt, and grey tie, is sitting in a dark room. He is looking down. Behind him is a large, colorful, fractal-like light projection that resembles a stylized flower or a complex geometric pattern. The colors are vibrant, including purple, blue, green, yellow, and orange. The room has a dark, industrial feel with visible pipes and a single light bulb hanging from the ceiling.

**Кабинет  
с видом  
на задворки  
сознания**

Лола Шокова

**Кабинет с видом  
на задворки сознания**

«Издательские решения»

**Шокова Л.**

Кабинет с видом на задворки сознания / Л. Шокова —  
«Издательские решения»,

Известный всем русскоязычный патентованный психоаналитик  
И. Э. Затылкин и несколько дней из его обычной жизни на закате лет,  
но в расцвете сил. Читайте и узнавайте в его клиентах-пациентах себя и своих  
близких. Поймите же, наконец, что вы ещё и не жили!

© Шокова Л.

© Издательские решения

## Содержание

|                                   |    |
|-----------------------------------|----|
| Пси-рутина                        | 6  |
| Конец ознакомительного фрагмента. | 21 |

# **Кабинет с видом на задворки сознания**

**Лола Шокова**

© Лола Шокова, 2026

ISBN 978-5-0071-0106-6

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

## Пси-рутина

Вот и подходил к концу обычный рабочий день Иммануила Затылкина. День как день. А что? Не хуже, чем у других. Мог бы, конечно, быть лучше, как и вся жизнь, в принципе, могла бы сложиться по-другому, то есть лучше, но сложилось так, как сложилось. Ничего тут уже не поделаешь. Поэтому остаётся делать эту жизнь только интереснее, насыщеннее, разнообразнее. С этим тоже были проблемки, потому что последние 20 лет Иммануил Затылкин только и занимался тем, что улучшал жизнь других. А был он элементарно патентованным клиническим психологом, правда, с творческим образованием в подоплёке своей. Но, тем не менее, ныне он был практически родня медикам. Конечно же, всё относительно в этом мире. Никакой он не медик, и он это сам понимал. В том смысле, что не терапевт, не ортопед-травматолог, не венеролог, даже не невролог, а простой российский, хотя и элитный, знаете ли, и патентованный, между прочим, но клинический и — всего-навсего психолог. Так вот, что там мы говорили про рабочий день? С утра у нас был эфир на федеральном телеканале с гостями в студии, со зрителями. Они, конечно, все оплаченные, это мы с вами все должны понимать, договорившись об этом, конечно же, на берегу. Что там, по 1500 рублей на рыло? И вот тебе: хлопки тогда, когда надо, крики «У-у-у!», возгласы. Недоумение или негодование — любого качества возгласы по вашему заказу за 1500 рублей в руки налом. Вот такая публика приходит работать на телевидении в качестве публики. Потом обед в телевизионном буфете, потом немножечко (пара капель), так сказать, взбодряющего средства, естественно, из линейки разрешённых веществ. И, наконец, полуторачасовой семинар в школе практической психологии для будущих коллег-женщин, для будущих коллег-девушек, если быть уж совсем точным.

Потом ещё 15 минут небольшой такой встряски для уже слегка одутловатого, но, тем не менее, ещё не потерявшего энергичность тела и самого туловища Иммануила Затылкина с одной из не очень успевающих студенток. А студентки — это вообще разговор особенный. По нашим временам, слава Б-гу, что не студенты, а студентки: это, поверьте, для московских практикующих патентованных клинических психологов уже достижение. Давайте об этом договоримся на берегу. Ну и вот, подошёл к концу рабочий день, но он ещё не подошёл к концу окончательно, потому что Иммануила Затылкина ждал очередной пациент. Ну, как пациент? Само собой — клиент.

В нашем деле что пациент, что клиент — это, знаете ли, неразлично. В том смысле, что если ты начнёшь это различать, то тут одно из двух будет: либо ты нищий, либо все вокруг радостные, а ты ходишь и горюешь, и ноешь, и плачешь. Потому что, опять-таки, ты нищий. Поэтому изначально ещё 20 лет назад, когда несостоявшийся драматург решил, что он уже и не драматург, а родственное ему, так сказать, амплуа взявши, будет он теперь инженером-конструктором человеческих душ. Или сознаний? Или..? Чего вы там хотите себе полечить внутри головы? Выберите сами, подчеркните нужное, а мы уж это попробуем проанализировать.

Что касается анализа, то тут Затылкин был очень хорош. В этом он, что называется, просто был талантлив от Б-га. Впоследствии, уже повзрослев, заматерев и, вообще пообтёршись в одной известной ближневосточной стране некоторое количество времени, он понял, что он ещё и в общем кое-чего может изобразить в науке слушать и в науке объяснять. Как там говорил Суворов — наука побеждать? Ну вот, а у нас будет своя наука. Там, где никого не надо побеждать. В смысле, никого? А побеждать нужно, естественно, что-то в себе. Вот. Это в самом крайнем случае, если уж случай далеко и глубоко зайдёт. В такие моменты он старался обойтись без каких бы то ни было острых углов и рекомендовал, если уж до такого доходило всё-таки, пациенту-клиенту собрать ноги в руки и всё-таки дойти до психиатра. Благо, что знакомые психиатры у Иммануила Затылкина тоже были. Его хорошие друзья, приятели, знакомые. Родственники дальние, наконец. Так вот он уживался со всеми этими мыслями, которые

ежедневно роились у него в голове примерно в такой конфигурации: от одного к другому, от пятого к десятому, от общего к частностям, от частностям снова к общему. Поэтому часто он иногда забывал мелочи: ключи, зонтики, перчатки, забывал хорошо завязать шнурки, но был отменно хорош в своём главном деле — в размышлениях, в построении конструкций и выдаче советов. Самое главное в нашей профессии — это память. Он всегда всё важное помнил. Что с этим пациентом мы делаем? Помнил. А до чего мы дошли вот с этим клиентом? Помнил. А их было у него, знаете, сколько? Ого, сколько! И было, и есть, и дай Б-г, будет.

Он зашёл в огромное офисное здание, где у него был пока что арендован, но в будущем он надеялся, что сможет всё-таки выкупить в собственность, этот замечательный кабинет, в котором он работал уже 5 лет, между прочим. Это не такой маленький срок. К этому его кабинету уже успели протоптать дорожку многие довольно-таки известные не только в узких кругах, но и в самых, что ни на есть, широких кругах люди — женщины, артисты, бизнесмены да и всякие другие, не так уж, чтобы известные, но достаточно состоятельные господа, будем их так называть. Все, кто состоятельный, те — господа. А те, кто, не настолько состоятельны, как те, которые действительно состоятельные, но, тем не менее известны — это люди! Вот только с такими Иммануил Затылкин и работал. А потому, что вот это всё малоизвестное провинциальное офисное население, которое в разное время, собравшись с силами и с волей и перебравшись в Москву, завоевало себе несколько десятков квадратных метров московской недвижимости, мало интересовало нашего замечательного психолога ввиду своей невысокой платёжеспособности. Нет, вы не поймите неправильно и не поймите превратно. Изначально это и была основная кормовая база нашего героя. Герой какой? С маленькой буквы или с большой? Знаете что? В принципе, если по-честному, то, конечно же, с большой. Но это в реальной жизни. А в нашей книге, конечно же, он будет писаться с маленькой, потому что... Ну не будем же мы самолично и собственноручно возвышать человека данной профессии над его пациентами? Не будем же, зачем? Это неэтично, это подрывает доверие. И это подрывает основу благосостояния. А мы не хотим, чтобы что-то подрывало основу нашего благосостояния. Так вот, зашёл он в этот бизнес-центр со всеми этими уже мыслями, которые роились у него в голове. Поднялся на лифте на соответствующий этаж. Он тактильно-привычно и сенсорно-машинально уже нажал на кнопку лифта, он не помнил, и неважно, какой номер этажа. Это всего лишь цифры! Вышел из лифта, дошёл до своей зоны, где у него была своя собственная секретарша и не одна, должны мы вам заметить. У него было целых три секретарши. Они друг друга меняли в течение недели: рыжая, шатеночка и блонд. Вот так вот он любил, чтоб было разнообразно всё. Чтобы примерно мы понимали, что вчерашний день остался вчера. А сегодня — это день уже другой. И девушка другая сидит у нас на ресепшене, завтра будет третья. Почему? Потому что прошёл уже сегодняшний день, и он остался во вчерашнем. А завтра — это то, сегодня, которое вчера было послезавтра. Вот так! Именно так это всё работает. А если кто этого не понимает, тот, извините меня, умом не дорос. Ну да ладно. Прошёл он мимо Стеллы, нашей замечательной шатенки, сегодня которая работала. Он её поприветствовал кивком, и это было уже достаточно. Она его приветствовала милым привставанием со своего рабочего места, милым мяуканьем: «Здравствуйте, Иммануил Эммануилович!» Такой Иммануил — очень много «М» в его имени-отчестве, и она мяукала его. Стелла всегда мяукала, очень часто. Когда были буквы «М» в речи, она мяукала. Потому что она — Стелла, и потому, что она шатенка. Прошёл, подёргал ручку кабинета, но он закрыт. Конечно же, ключики! И Стелла уже стоит, протянув ему ключики от кабинета, которые он забыл взять. Вернулся обратно, повиливая пузиком, Иммануил Эммануилович, взял ключики от кабинета, открыл кабинет, зашёл, бросил ключики на стол. Сразу же сел за рабочий стол и приобрёл рабочий настрой, потому что сегодня у него должны быть ещё двое клиентов.

Да, именно клиенты, потому что эти люди уже достаточно давно к нему ходили. Сначала они были пациенты, но к ним именно так относился: люди, к которым нужно вникнуть

в их проблему, разобраться, поставить клинический психологический диагноз. А потом, уже по мере того, как мы уже разобрались, что там у них в голове происходит, что творится, что нужно поправить, какие нужно выпавшие детальки вернуть на место... Потихонечку уже эти господа стали, конечно, клиентами, родней, можно сказать, семьей. Одной большой клиентской семьей. И вот он их ждал. У него оставалось ещё примерно 25—30 минут перед приходом первого гостя. Можно и так назвать его в данной конкретной секунде. Гость, который клиент. А для клиентов, которые у нас гости: будьте как дома, не забывайте, что вы в гостях. Вот из этой серии. Пожалуйста — чай, кофе, плюшки, слойки печеньки, фрукты. Для особо разборчивых можно коньячку, оливки. А если уж очень надо, то Стелла, Наташа или Альбина метнутся и принесут всё, что хотите, начиная от фастфуда! Потом сделав круг над 360° по часовой стрелке и заканчивая снова фастфудом, но уже другим. Если в начале, может быть, мы брали во внимание шаурму или хот-дог, то сделав такой скрежещущий круг по часовой стрелке, мы проходили через стейки, лососи, суши, пожалуйста, домашнюю кухню, омары, кальмары — и снова возвращались уже просто к гамбургерам. Да, вот так вот. В общем, всё, что хотите, конечно. В конце рабочего дня или в начале, это в зависимости от того, на какое время была назначена встреча с клиентом-пациентом. По-разному у людей разных, естественно, работало и пищеварение, и по-разному разыгрывался аппетит. Поэтому Стелла, Наташа и Альбина были готовы к любому повороту, а в нашем случае, развороту событий и могли всё, что угодно сделать. В некоторых случаях они не сами метались, а просто заказывали курьера, и метался курьер. Но иногда, если было важно для клиента либо для самого хозяина, то есть Иммануила Эммануиловича, чтобы метнулась именно она, оставив на какое-то время свой пост номер один на ресепшене — это можно. Мы же не в армии, мы же не где-то там в каких-то структурах. Мы — люди свободных, широких творческих взглядов. И поэтому можем позволить себе оставить пост и направить нужного человека в нужное место, загрузив этого нужного человека, несмотря на то, что он — женщина, и красивая женщина. Даже очень красивая местами женщина. Не в смысле местами, а местами очень красивая женщина. В некоторых местах очень. Ну, так вот, чтобы самолично она выполнила прихоть ту или иную. В рамках, естественно, приличий, а не то, что вы могли, не дай Б-г, подумать. Ну, да Б-г с ним. Оставалось уже меньше времени, уже где-то минут 20. По своему обыкновению запросил стаканчик крепкого американо без сахара вообще, просто американо. Но со стаканчиком холодной воды. И Стелла тут же принесла, потому что у них в закутке стояла собственная, произведённая в Швейцарии кофемашина полупромышленного образца офисной конструкции, которую постоянно и ежедневно загружал своей натурой сам Иммануил Затылкин. Загружал в том смысле, что пил кофе. Пришёл, и сразу требует. Ушёл, и на дорожку требует. Загружал своим, так сказать, кофейным аппетитом, если можно так сказать. Своей кофеманией амортизировал этот аппарат. Честно сказать, девушки тоже любили кофе попить за корпоративный счёт, поэтому расходы на кофемашину были немалые. Угу.

Но все накладные расходы и прочее, вот эта вся ежедневная какая-то бытовуха, она с лихвой перекрывалась высокими, я бы даже сказал огромными, космически баснословными гонорарами, которые запрашивал за свои услуги специалиста всё-таки клинически патентованный психолог с именем. Иммануил Эммануилович Затылкин брал просто какие-то невообразимые деньги за время, которое он уделял своим клиентам. Да, уделял время и, самое главное — себя. Он себя просто нещадно расходовал.

Всего себя, весь свой талант инженера-конструктора человеческих душ, сознания, всего — как хотите называйте, нужно подчеркнуть. И, безусловно, у него очень многие вещи были уникальными, авторскими. Я имею ввиду подходы, методы и концепции. Всё это у нашего героя было своё. Правила, которыми, которые он щедро делился со своими клиентами, и разного рода советами, причём советы были авторские, и они были разработаны по уникальной методике в том плане, что никогда он не давал один и тот же совет двум разным людям. Более



того, он никогда не давал один и тот же совет одному и тому же человеку в разные сеансы. Никогда. То есть, сегодня один совет, а завтра уже другой совет. Потому что, если тот не сработал, значит, нужен какой-то новый подход. Новое решение для сложных ментальных проблем. Как вы можете понять, это очень импонировало каждому клиенту по отдельности и всем им вместе. Если когда где-то в другом каком-то обществе, в тусовке кто-то случайно посмел проронить пару слов о нашем герое Иммануиле Затылкине, то тут же как вот жемчужины на ниточку, нанизывались какие-то реплики, мнения, и тут же заходил разговор про эффективность работы нашего героя. О том, что удаётся всё-таки ему вытащить человека из бездны самосознания к вершинам самопознания. И, действительно, все сходились на том: да, мне он помог, и мне он помог, а мне — тоже он помог. И ей, и ему смог помочь, представляете? Вот такое было всеобщее мнение про работу и эффективность нашего патентованного психолога. Это очень важно. Это не просто важно, это архиважно.

Поэтому он совершенно заслуженно имел и репутацию, и перспективы, и счёт в швейцарском банке, и клиентскую базу, и поток вновь приходящих пока ещё не знакомых пациентов, но очень скоро которые, благодаря широте души нашего лекаря душ, обязательно станут знакомыми, очень хорошо знакомыми. Потом перейдут в ранг клиентов нашего замечательного кабинета. Однако, что-то мы уже ждём-ждём, а клиента пока нет?

Стеллочка пишет в мессенджер Имманулу Эммануиловичу, потому что он не любил разговаривать по телефону. А вот там за стеной сидит Стеллочка, и видно, что сидит она в соцсетях, и можно ей сразу написать: «Стеллочка, а позвони-ка нашему другу, узнай, что с ним? Когда он придёт? Почему задерживается? Время-то, время-то такое, вдруг он ещё час где-то будет ходить. А если он опоздает, если он полностью пропустит сеанс, то мы ему выпишем как за посещённый. Обязательно напугай его так, ну, слегка напугай, чтобы он не терял тонуса. Напугай! Ах, он уже, он уже поднимается? Хорошо, Стеллочка, ты моя дорогая, хорошая, хорошо, всё. Тогда, как обычно, ему 50 г коньячку занеси, но только минут через пять-семь после того, как он зайдёт. Не сразу, а лучше минут через десять. Это будет самое лучшее время». Только он успел отгарабанить пальцами по телефону это сообщение, как Стеллочка связалась с ним по громкой связи и артистично объявила: «Иммануил Эммануилович, к вам на приём пришёл Гирш!»

— Да-да, Стелла, прошу вас, пригласите по времени, пожалуйста. Прошу, прошу, проходите.

И вот, открылись двери и зашёл он. Со своей когда-то обаятельной улыбкой, со своими когда-то мексиканскими усами, а теперь уже немного обвисшими, и улыбка уже немножко не та. Вошёл он — Гирш Уркагандт, собственной персоной, и уже шестой месяц как постоянный клиент нашего героя.

Бывшая звезда телевидения, бывшая звезда шоу-бизнеса, бывший всем известный человек, бывший богатый человек, бывший популярный человек и бывший рукопожатный человек. Всё это, конечно же, относилось к нашему персонажу, который смотрел сейчас под вечер и усталыми и печальными уже глазами на Иммануила Затылкина. Всё это, безусловно, относилось прямо и конкретно к нему. Он вошёл. Он снял верхнюю одежду, привычно повесил её аккуратненько на вешалку. Протянул руку, пожал Затылкину, привычно и устало сел на кушетку. Иммануил в это время внимательно, хотя и тоже с усталыми глазами, сопровождал все эти движения господина Уркагандта.

Наконец, он сел, за ним внимательно следя, отправил Стеллочке тайный знак, который означал, что нужно, не дожидаясь семи-десяти минут, а срочно нести стопку коньяку для гостя.

Тут первым прервал эту короткую паузу сам Гирш. Он сказал вот что.

— Доктор, тут у меня такое дело... Я немножечко, насколько я помню, по своим записям, вам задолжал...

Его глаза стали ещё чуть более печальными. А в это время глаза Затылкина, наоборот, стали чуть более весёлыми. То есть, какое-то облегчение с этим сообщением всё-таки вошло в него. И он ответил так, как должен был ответить на его месте любой праведный психоаналитик.

— Гирш, это не вопрос. Гирш, это — не проблема. Я знаю, что вы человек платёжеспособный.

Тут Затылкин мгновенно провернул у себя в голове внутренний монолог, который мелькнул как вспышка молнии. А монолог был такой: «Платёжеспособный — это означает, что всегда что-то можно реализовать. Имущество какое-то, всякие активы, может быть, какие-то, не знаю, залоги. В общем, что-то можно продать, чтобы принести, наконец, деньги за работу психоаналитика, оплатить его труд». Вот такой короткий монолог.

Что, собственно, подразумевалось под словом платёжеспособность? Это очень важно, потому что такой монолог несомненным образом был явно протранслирован в подсознание пациента, и Гирш откликнулся на эту реплику.

— Спасибо, доктор, спасибо. Я всегда знал, что вы — понимающий человек. Да, кстати, я вот тут принёс. У меня есть пара часов из коллекции. Может быть, возьмёте пока их как залог, или, может быть, под реализацию, или, может быть, так зачтём?

Он встал с кушетки, прошёл к вешалке и достал из своего плаща пару часов. Под одобрительным взглядом Иммануила Эммануиловича положил их перед ним на стол.

— Что это? — как будто не понимая происходящего, вербально озвучил свой немой вопрос Иммануил Затылкин.

— Это «Ришар Милль» и «Патек».

— Как интересно, как интересно, — подпирая рукой подбородок медленно почти что прошептал Затылкин, — да вы садитесь, Гирш, садитесь, давайте лучше с вами поговорим, начнём работу уже, потому что время идёт.

В этот момент вошла Стеллочка, беззвучно открыв дверь, занесла поднос, на котором стояла початая бутылка и два стопарика, оба уже налитые. Она мгновенно оставила стопарик и бутылку на столе, забрала поднос и упорхнула так же беззвучно к себе за стойку ресепшена.

— Ну что ж, давайте за прибытие, за встречу.

— Давайте, вздрогнули!

Они вздрогнули, быстренько хлобыстнули, каждый жадно втянул со своей стороны воздух из помещения внутрь лёгких. Оба шумно выдохнули по очереди. Гирш снова расположился на кушетке, ещё чуть более вальяжно на ней разместившись. Доктор Затылкин тоже чуть более распластался в своём кресле, и у них потёк неторопливо разговор, касающийся их обоих. Началась сессия.

— Ну что же, Гирш, хорошо. Оставляйте пока «Ришар Милль» и «Патек», пускай лежат. Не переживайте, вообще не переживайте, мы с вами люди друг другу далеко не чужие.

— Спасибо вам, Иммануил Эммануилович, спасибо вам, я всегда понимал. Но можно я тогда что-то одно вам оставляю? Дело в том, что всё-таки вещи дорогие.

— Да-а-а? А вы так про это, да? Ну, тогда я не знаю, а что из них более дорогое?

— Исходя конкретно из этих двух часов, тут более дорогие, конечно, «Патэк». Да и они более, как бы это сказать, ликвидны.

— А, ну тогда забирайте ваш этот «Ришар Милль».

— Хорошо!

Гирш вскочил, забрал «Ришар Милль», сразу надел их на руку и продолжил валяться.

— Итак, расскажите, на чём... давайте, я напомним, на чём мы с вами в прошлый раз остановились...

— Не будем эту тему поднимать. Тема скользкая, тема сложная, тема непростая, и, по моему, мы её в прошлый раз окончательно проработали. Давайте теперь что-то новое.

— Что у вас произошло? Что у вас новенького за неделю? Давайте с этим поработаем.

— Ой, доктор! — начал Гирш, — ой, доктор, доктор, ох.

Он вздыхал, вздыхал, вздыхал. А Затылкин внимательно его слушал, никоим образом не собираясь прерывать его «лёгкое» течение мысли и речи.

— Ох, доктор, ну, что я вам могу сказать? Вся жизнь у меня идёт хорошо. Всем я доволен. За малым исключением, что поток наличных денег иссякал, иссякал, подиссяк и окончательно... сейчас уже на данный момент иссяк. Хотя работаю я по-прежнему много, но этого не видно. Как прежде публика не видит меня. Хотя я вижу до сих пор очень много людей. И, слава Б-гу, теперь я вижу больше богатых людей, в отличие от того, что раньше я видел очень много небогатых людей. Но сейчас я...

— Вы говорите про корпоративы, Гирш?

— Да-да, про них.

— Хорошо, продолжайте, не останавливайтесь.

— Так вот, корпоративов много. Отмечают люди самые разнообразные вещи. Порой даже совершенно, ну, не скажешь даже, что это стоит того, чтобы отмечать — ввиду малозначительности события. Но, тем не менее, какие-то свои юбилеи, какие-то свои памятные даты и внутри компании, и просто частные и богатые лица что-то отмечают, заказывают артистов. Я, естественно, как ведущий, но могу и сам сбазать на гитаре и спеть.

— Да-да, Гирш, я знаю, мы знаем, да.

— Так вот, да, продолжаю. Буквально три дня назад я вернулся из богатого нефтеносного региона. Наверное, не стоит сейчас его конкретизировать, откуда, где и у кого я там был, и у кого я вёл мероприятия, но что-то как-то пока подзадерживают меня. Да, гонорар пока что не переводят. Точнее, не то чтобы не переводят, речь шла даже не переводе, потому что зачем нам всякие переводы? Речь шла, конечно же, о наличности. Всё это должны были дать вечером тогда же, даже перед мероприятием, а не после. Но ни до, ни после, что-то я ничего не получил. Накормили, напоили вдоволь, всё было хорошо, всё по райдеру было. Но что-то там... в общем, доверенное лицо того человека подзажало бабки, короче говоря. Вот что меня и гложет последние три дня. А бабки, сами понимаете, немаленькие, и я на них рассчитывал, и я дико переживаю, что могут, конечно, ввиду моего нынешнего положения и отсутствия каких бы то ни было сильных рычагов влияния, могут даже и попробовать кинуть, Иммануил Эммануилович. Вот чего бы я очень не хотел. Видите, как это может даже косвенно, а может быть, даже и прямо повлиять непосредственно, получается, что и на вас тоже лично.

— Так, хорошо. Вот очень интересный вопрос, конечно, «Патек», «Патек». Да, а золотые, кстати, «Патек»?

— Да, «Патек» золотые.

— Ну ладно, я вижу, они в прекрасном состоянии у вас.

Да, я же коллекционер, не просто коллекционер, но и любитель.

— Да, я вижу, да.

— И не просто любитель, но и с пониманием.

— Да, Гирш, безусловно.

— Вот. Но, конечно, для меня это тоже, вы знаете, тема такая, о личной неплатежеспособности — это тоже меня выбивает из колеи последние три дня. Я хожу сам не свой. Ну, не привык я, чтобы так вот со мной, чтоб меня и... Более того, вдруг пойдёт слух, что можно самого Гирша Уркагандта пригласить на мероприятие и не заплатить.

— Да, Гирш, понимаю. Тут с этим нужно очень-очень жёстко работать. Я вам даже.. Знаете что, Гирш? Есть у меня одна идея. Но давайте мы её пока отложим до конца. Продолжайте.

— Какая идея у вас есть, доктор?

— Ничего, не обращайтесь внимания, это мысль вслух, но я её думаю. А пока что я вас одновременно ещё очень внимательно слушаю. Продолжайте.

— Хорошо. В общем, ну что? В семье всё хорошо.

Итак, семья, работа — всё хорошо?

— Ну да, перспективы только какие-то туманные, доктор, у нас, и у меня, и у всей нашей, я не побоюсь этого слова, индустрии шоу-бизнеса. Да, с телеком вот вообще всё в таком тумане, доктор, в таком туманище, что стал он не просто как туман, а какой-то, какая-то непроницаемая жёсткая такая пелена, как стекловата. Жёсткая, от которой хочется чесаться, которая недружелюбная. Вот что стало такое оно.

— Так, хорошо, вижу, вижу, вижу, слышу, слышу вас. Давайте, продолжайте.

— Ну, что, доктор, что тут я ещё могу сказать? Тут меня вот одна мысль, какое-то время назад возникшая, преследует до сих пор.

— Что же, что же? Так, давайте, давайте, давайте, вот-вот подбираемся, подбираемся, чувствую, чувствую. Давайте, давайте, Гирш, бацайте, прямо вываливайте.

Гирш обнаружил себя вообще совершенно растекшимся по кушетке, а незаметно Иммануил Затылкин разлил ещё по стопарику каждому, протянул Гиршу, взял себе. Они оба вздрогнули, выдохнули, выпили, вдохнули привычными движениями. Гирш, не переставая всё это говорил.

— Мысль у меня такая, что мой образ, реноме в обществе, так сказать, в общественной, в общественном сознании, это мне такая мысль пришла, доктор, уточнил он, что я больше не воспринимаюсь как серьёзное лицо. Да, безусловно, я и раньше был лицом шутейным, комическим, сатирическим, ироничным, можно даже сказать, где-то юморным. Но юмор, сатира — это всё моё, это всё — я. Иногда в какие-то годы, доктор, я реально понимал, что я — это и есть и юмор, и сатира. И конкурентов у меня просто нет, понимаете?

— Да-да-да-да, мы помним, мы помним и понимаем, помним.

— Ну вот, доктор, и сейчас, вот как бы закрыв глаза и подключившись к этому общественному сознанию, как будто бы мне кажется, что меня тупо, мать твою, забыли! Забыли и растоптали. Ну, растоптали какие-то конкретные люди, да? Не будем их называть, понимаешь.

— Не-не-не, ни в коем случае, Гирш. Ни здесь у меня и нигде более не вздумайте. При себе держите, продолжайте.

— Да. Эти конкретные люди растоптали. За что? Почему? За что?

— Ну ладно, Гирш, всё, давайте дальше к сути, к сути, к сути.

— Да. Общество в виде совершенно абстрактных людей каких-то, количества этих людей, которые никаких решений, естественно, не принимают, но которые, безусловно и послушно следуют, так вот: они меня и забыли. Забывают, забыли. Кто-то частично забыл уже, кто-то постепенно забывает так, что забывают-забывают, и тоже уже раз — и забыли! И всё! То есть, не показывают меня, меня не видно, не слышно, меня отменили, доктор! Я это могу сказать вслух.

— Да, можете, да.

— Вот, меня отменили! По-настоящему, получается, время не просто лечит, время стирает.

— Так-так-так, давайте, давайте, давайте, вот-вот подходим.

— Да, доктор, время стирает из общественного сознания тех, кто в нём долго не появляется. Доктор, а где мне появиться? Я же не буду становиться обычным рядовым каким-то блогером, шмогером или простите, журналистом, чтобы где-то у кого-то какие-то брать интервью? Ведь, доктор, я же не журналист, ведь, доктор, я же не блогер. Доктор, я — лицо, я — сам юмор, я — сама сатира. Я — сам смех, доктор, я всегда... Это я, но, к сожалению, смех не может задавать вопросы и слушать ответы и делать интервью. Не может. Ну и юмор. Я не могу вот так выйти, Гирш Уркагандт, со всем моим бэкграундом, вот так выйти просто куда-то к микрофону, к публике и просто дрючить какой-то заготовленный стендап. Потому что не умею я шутить онлайн, что называется, вот так вот. Я умею шутить, но не онлайн, понимаете? Я умею шутить какие-то свои шуточки ситуативные. Мне нужен кто-то второй, чтобы с ним

коммуницировать вместе и на этом строить свой юмор. А вот так, чтобы выйти одному — нет, я не могу, доктор, я из-за этого очень сильно переживаю до чесотки на локтях и под коленками.

— Так-так-так, давайте, давайте, вот-вот, вот-вот, вот-вот пошла-пошла уже руда, давайте-давайте, не останавливайтесь!

— Ну вот, доктор. И что же мне? А журналистом я совершенно быть не могу никак. Доктор, хоть я и на телеке очень много лет, но нет во мне этого, понимаете? Мне вообще плевать на всю политическую повестку любую. Доктор, на все эти новости... Я не смотрю телевизор, хоть я в нём работал. Надеюсь, что буду работать, но уже не знаю, буду ли? Ещё надеюсь, но вряд ли. Но никак новости — это не моя профессия. События — не моя профессия. Публицистика — не моя стезя. Никак. Я не пишу, я не размышляю. Вот в чём проблема. Я только ситуативно смеюсь, ситуативно могу и заплакать, но я не живу в одной и той же информационной среде, в которой живёт вся эта страна, доктор. Я хотел бы именно так её назвать — «эта страна». Потому что для меня любая страна будет «этой», где бы я ни был. Я сам по себе, а я буду в Америке — для меня Америка будет «этой страной». Буду я где угодно, и для меня та страна где угодно будет «этой страной». Нигде я не могу сказать, что это — моя страна, ни про что, ни про какой народ я не могу сказать, что это — мой народ. Только я, моя семья, мои дети, вот только это — моё. Моя работа и мои деньги, а всё остальное я не могу к себе притязательно никак приблизить.

— Ну, давайте-давайте, вот-вот, мы подходим.

— Доктор, что ещё? Знаете, меня не просто забывают, надо мной ещё начинают потихонечку смеяться, я это чувствую. Меня уже не воспринимают как раньше, надо мной смеются, надо мной иронизируют, я хочу подчеркнуть, что надо мной! Понимаете? Если раньше смеялся я, то сейчас я не просто не смеюсь, а сейчас ещё смеются надо мной, доктор. Вот что происходит, понимаете?

— Да. Теперь всё-всё вижу, всё понимаю, всё услышал. Так, вот вам ещё стопарик. Давайте, вздохнули!

Они выдохнули, выпили, вздохнули. Гирш Уркагандт совершенно окончательно распластался на кушетке. Иммануил Затылкин, поставив стопарик, снова вернувшись в кресло, тоже на нём расплылся и сказал вдогонку к сказанному ранее.

— Да, вот-вот-вот. Понимаете? Понимаете, в чём дело, Гирш? Вот в этом вся проблема, точнее, не то, чтобы проблема — слово «проблема» мы не используем.

— Да, доктор, вы же сами говорили: «Нельзя».

— Да, нельзя. Простите, у меня вырвалось. Всё, перечеркнули, забыли. Тут мы видим как раз вот эту эссенцию того, что вы говорите. Мы добрались до того самого золотого гвоздя, которым прибита в вашем сознании тревожащая вас мысль. Итак, над вами смеются. А вы к этому, друг мой, не готовы. Не готовы были и тогда, и не готовы сейчас. Сейчас вы находитесь в очень уязвимом положении, в уязвлённом состоянии.

— Да, вы правы, доктор, именно так. Всё-таки да.

— Сейчас смех, который идёт в ваш адрес, смешки, вы их воспринимаете как плевки, как издевательства. Может быть, даже как буллинг.

— Нет, пока нет, доктор.

— Вот именно, что пока нет. Вот именно, что пока не воспринимаете, а можете начать воспринимать, нам нужно срочно поставить этому блок.

— Думаете, доктор?

— Безусловно. Начать именно с этим работать.

— Хорошо, давайте, доктор, давайте. Я согласен, именно поэтому я принёс сегодня «Патек».

— Хорошо. Угу, «Патек». Кому же «Патек»? А, да вот. Ну вот, к тому, что над вами смеются, вы не готовы. То есть, получается, что вы односторонне воспринимали ранее, и до

сих пор воспринимаете только односторонне эту сферу. Она у вас не была ранее проработана. Это естественно, вы же ко мне ранее не ходили, когда всё было хорошо? А стоило бы начать ко мне ходить, ещё когда у вас было всё хорошо, Гирш, согласитесь?

— Тут доктор, что сказать? Всё было хорошо, так что к вам ходить?

— Вот это ошибочка. Эту ошибку совершают все, я вам скажу, Гирш. Ходить к психоаналитику, в принципе, надо всем. Особенно, когда у вас ещё всё хорошо, потому что, как мы знаем, всё хорошо всегда не бывает.

— Да, доктор, теперь мы знаем.

— Да, но ладно, ладно, я вас ни в коем случае не упрекаю. Как я могу вас упрекать? Что вы, о чём? Даже не вздумайте об этом думать. Ни в коем случае не пытайтесь даже. Всё, вот так зафиксировали. Но я просто этот факт констатирую, что сейчас нам трудно будет с этим работать. Возможно, не за один раз нам придётся это всё выкорчёвывать.

— Да, вы думаете?

— Да, я думаю, что не за один раз.

— Понятно, понятно, ладно. Я думал, может, за один раз.

— Нет, нет, за один раз это не получится. Нет, может, за полтора, может быть, мы сейчас начнём выкорчёвывать и в следующий раз мы закончим на середине сессии, а потом какую-то другую тему начнём. Ладно, не будем забегать вперёд. Итак, Гирш, смотрите. Насколько я понял из вашего монолога, вопрос был в том, как мне перестать болезненно реагировать на все возможные юмористические реакции в мой адрес? Правильно я, так сказать, сформулировал ваш немой вопрос, который вы сами не извоили сформулировать?

— Да, доктор, именно так. Именно так. Как мне перестать болезненно реагировать?

— Ну, вот, значит, слушайте внимательно. Во-первых, вам нужно понять раз и навсегда, что юмор — это юмор. Смех — это смех. Сатира — это сатира. Это всё жанры. Это всё лёгкость, да? Это всё позитив. Это всё исключительно ради добра. Вы слушаете меня, Гирш?

— Да-да-да, я просто глаза закрыл, я вас внимательно слушаю. Просто сейчас я расслабился, да-да.

— Вы меня слушайте, это важно. И слышите?

— Да, слышу. Да, слушаю и слышу.

— Вот это важно. Спасибо, что это всё вы подтвердили. Итак, это всё только добро. Да, добро, повторяйте.

— Это всё только добро.

— Угу, правильно. Поэтому даже если где-то вы, может быть, над кем-то зло и пошутили...

— Я, бывало, и над кем-то зло подшучивал.

— Да, но всё равно всё это оборачивалось юмором, смехом, улыбкой.

— Всё это оборачивалось юмором, смехом, улыбкой...

— Правильно, что повторяете. И, в конце концов, именно вреда вы этому человеку не наносили. Смех есть смех, не более того.

— Смех есть смех, — эхом повторял Гирш, — и не более того.

— Верно, Гирш, верно. Когда к вам возвращается через годы, через расстояние, через испытания в стороне любой, к вам возвращаются ваши смешки, юмор, насмешки, какие-то конструкции.

— Ко мне возвращается юмор, смешки, насмешки, конструкции...

— Да, когда они к вам возвращаются, то это только лишь к добру, к смеху, к радости, к позитиву.

— Думаете, доктор?

— Да, к добру, к радости, к позитиву.

— Хорошо, доктор. Ну, хорошо, окей, хорошо. То есть, вы считаете, что если есть в этом мире карма, то она так ко мне возвращается?

— Ну, если есть в мире карма, то она так и возвращается, Гирш, конечно. К вам, ко всем, к любому. Если она есть, то она возвращается вот именно так, как вы и говорите.

— Да, и что? Подождите, сейчас я сам попробую. Значит, мне просто это принять как есть, что ли? Именно не отталкивать и не болезненно реагировать, а принять это всё прямо-душно и полностью?

— Конечно, конечно, мой дорогой. Принимайте это всё с улыбкой. Карма есть карма, да? Ни больше и не меньше. И вы её должны принять, потому что... Что вам ещё остаётся? В конце концов, она же к вам вернулась потому, что вы её однажды и запустили.

— Так-так, хорошо-хорошо. Зафиксировал я, — продолжал Гирш говорить с закрытыми глазами.

— Вот, принимайте. Самое главное, принимайте с благодарностью за то, что, во-первых, она пришла сейчас. Во-вторых, за то, что она пришла в таком виде, а не в каком-то другом. В-третьих, принимайте её потому, что она пришла к вам в непростые для вас лично времена. За всё это нужно благодарить.

— А кого благодарить, доктор? Я что-то сейчас вот...

— Просто благодарите. В вашем случае, я знаю, что вы человек верующий.

— Да, доктор, именно так и есть, что я верующий, на самом деле...

— Да, ну, мы не будем выяснять, я неверующий. Я ни на чём не настаиваю, поэтому вы, согласно вашему мировоззрению и вашему вероисповеданию, значит, вы тому, кому вы верите, вот вы того и благодарите.

— Вот и всё, да?

— Да-да-да, вот именно так, да. Это важно для вас, именно лично для вас.

— Так, всё, понял. Угу.

— Благодарите и далее по вашему вероисповеданию так, как у вас там это всё принято, всё делайте так, как положено у вас там, да?

— Хорошо, доктор, я всё понял. Даже можете не продолжать, я уже всё понял.

— Очень хорошо, хорошо. Так, ещё давайте по стопарику.

— Давайте, доктор.

Он быстренько разлил, протянул Гиршу стопарик, они выдохнули, вздрогнули, снова вдохнули. Тут совсем уже им обоим похорошело, а за окном даже, можно сказать, и стемнело, процентов на 75 уже стемнело. Было так приятно, и не хотелось включать свет. Наблюдали они полутёмный кабинет. Каждый из них смотрел друг на друга, каждый осознавал себя в этот момент и осознавал Другого с большой буквы, да. Что каждый из них — это отдельное существование, которое несёт свой, не побоюсь этого слова, крест. В каких-то случаях кто-то может нести полумесяц, звезду Давида. В данный момент, конечно, ни в коем случае не полумесяц, но кое-кто и нёс звезду Давида на себе как свой крест, можно сказать так, если говорить уже аллегорически.

Поэтому Гирш, конечно, после этого стопарика выдохнул и почувствовал себя гораздо легче, когда они всё это вместе проговорили и вытащили из глубины души наружу эту всю глубоководную рыбу, вытянули сетями и начали её разделявать, начали уже её готовить, если так тоже аллегорически говорить об этих всех мыслях, которые очень часто нас с вами в жизни могут уничтожать, если они живут своей жизнью где-то там в глубине. А если их вытащить и с ними поработать, окончательно их проработать, иногда разок на медленном огне, иногда разок на быстром огне можно их приготовить, а можно их просто взять и сжечь к чертовой матери, чтобы от них избавиться навсегда.

Вот в этом и заключалась, собственно, работа, но не просто работа, а призвание, и не просто Призвание с большой буквы, а талант патентованного психоаналитика Иммануила Эмману-

иловича Затылкина с огромным опытом прорабатывания. Глядя на лежащие перед ним совершенно реальные, конкретные золотые часы «Патек Филипп, которые, кстати, очень точно шли, он понял, что время сессии, Б-же мой, оно и вышло. О чём он аккуратненько, как это он любил делать в случае со своими очень деликатными клиентами, намекнул. Он сказал: «Да, Гирш, вот так, видите, вот отлично. Отлично мы с вами сегодня поработали. Когда вы в следующий раз ко мне придёте?» Спросил он совершенно разомлевающего на кушетке Уркагандта.

— А-а-а, что, уже? А, всё, вижу, я вас понял, доктор, время — всё. Ой, как хорошо мне, как хорошо стало. Прямо вот, как всегда с вами, поговоришь и знаете, как камень с души. Вот. Я так рад, я так рад.

— Да-да. И, кстати говоря, Гирш, знаете что? Вы сейчас вслух не говорите ничего. Вы сейчас просто мне черкните: где вы были тогда? Где вам недоплатили? Кто вам не доплатил, да? Мне черкните вот здесь на бумажечке. Может быть, как-то я смогу вам помочь.

— Что вы, доктор, мне неудобно. Я не знаю, как вы сможете помочь?

— Вы черкните просто фамилию, да, и ладно, мы это по-свойски, по-братски. Может, чем-то помогу. Короче, пишите фамилию.

Гирш взял бумажку, написал несколько закорючек, протянул бумажку и ручку доктору.

— Да, и скажите, когда вы в следующий раз придёте? Всё так же в наш с вами день, в наше с вами время? Или вам потребуются, может быть, какие-то, не знаю, отсрочки или что-то?

— Доктор, я бы предпочёл в наше с вами время, в наш с вами день. Я уже к этому очень привык. Видите...

— Мы сейчас разберёмся, Гирш, с этим вашим «Патеком». Вы всё прекрасно понимаете, я всё прекрасно понимаю. Мы с вами оба всё понимаем. Не переживайте. Хотите прийти в наше с вами время, в наш с вами день — приходите, я вас буду ждать, мой дорогой.

— Спасибо вам, доктор. Прямо как второй камень души, а может быть, даже больше, чем тот первый.

— Не, ну что вы, это ерунда.

— Да нет, не ерунда, доктор.

— Да перестаньте.

— Ну, так-то вы, конечно, правы, этот камень посерьёзнее будет, позначительнее.

— Ну, конечно, да. Всё, значит, помним, о чём мы с вами поговорили. И давайте это всё за неделю прорабатывать. Вы поняли, да? Карма!

— Карма, — отозвался Гирш.

— Бог.

— Бог. И благодарность, благодарность, что это всё возвращается.

— С благодарностью, с благодарностью, — эхом отозвался Гирш, вставая с кушетки, надевая верхнюю одежду, — всё, доктор, спасибо вам большое.

— Всё, не прощаемся, не прощаемся, Гирш, не прощаемся. Всё. Больше стопариков не предлагаю. Мы с вами её продолжим в следующий раз.

— О'кей, да.

— Всё, Стеллочка, заберите, пожалуйста, посуду. Закройте её, пожалуйста, и до следующего раза, пожалуйста, её в том же виде.

— Слушаюсь, слушаюсь, — впорхнула Стеллочка, пропуская на выходе Гирша Уркагандта, который слегка нетрезвой, но, тем не менее, достаточно твёрдой походкой, и в то же время не лёгкой тоже, вышел из кабинета и отправился дальше по коридору к лифтам, спустился вниз. Из офисного здания вышел, подождал буквально минут пять-семь, пока приехало такси, сел в него и был таков, поехал к себе.

Иммануил долго ещё внимательно рассматривал под лупой золотые «Патек Филипп», с удивлением обнаружив, что они просто в идеальном состоянии, без следов ношения, чистые, не замазанные потом, грязью и жиром, на местах складок этого браслета и с обратной стороны всё



было идеально чисто. Он так аккуратненько открыл нижний ящик своего письменного стола, бережно положил туда «Патек Филипп», перед этим сфотографировав его на телефон со всех сторон, задвинул ящик стола и отправил эти фотографии кому надо. Одному знакомому скупщику часов в элитном салоне скупки бэушных часов, задав вопрос буквально: «Сколько могут стоить, Боренька, эти часики и, соответственно, что дашь? Что дашь, если я тебе их завезу на днях, если мы их положим в залог, допустим? И что дашь, если мы их будем реализовывать, Боренька?» Буквально через пару минут пришёл ответ с вполне конкретными цифрами в случае, если отдавать их под залог, как будто бы в ломбард, а на самом деле так оно и есть в ломбард. А другая цифра, соответственно, означала, сколько можно выручить в случае продажи этих замечательных «Патек» окончательно навсегда. Обе цифры устроили Иммануила Эммануиловича, он отправил в ответ замечательные смайлики, один — большой палец вверх, а второй — такой смущённый, с покрасневшими щеками. Вот так он отреагировал на эти цифры. После чего встал, подошёл и включил верхний свет в своём кабинете. Решил скоротать час прослушиванием лёгкой джазовой музыки, потому что через час у него была назначена следующая встреча, очередная рабочая сессия с совершенно с другим человеком, иного круга и с кардинальными другими моментами, которые нуждались в проработке его сознания. Поэтому он решил немножко переключиться и снять с себя этот небольшой груз чужих тяжёлых мыслей и подготовить себя к следующей сессии.

Под чарующие звуки бархатистого джаза, который, как мы знаем, не является совершенно никакой мелодией, а представляет собой сплошную импровизацию, Иммануил Эммануилович традиционным образом делал свою домашнюю работу. Он позволил себе включить свой собственный внутренний монолог относительно всего того, что он сейчас только что услышал, чтобы проработать себя. Вот его монолог, он даётся здесь полностью, фактически без купюр, без изыятий, в авторской орфографии и пунктуации.

Смотри какой, собака, припёрся-приплёлся. Проблемы у него, понимаешь, возникли. Известность пропала. Тщеславная мразь! Ой, Б-же мой, мне бы его проблемы. Ну, вот такие люди бывают, Эмик. Такие люди, что поделаться. Все мы люди, все мы человеки. Не будь таким жестокосердным, не будь. Да я и не жестокосердный, с другой стороны, ведь я же помогаю, я же вытаскиваю всю эту гниль из них, всю эту неправильность и несправедливость, как бы это вот ни звучало. Конечно! С чем же мне приходится работать? Да вот с людской непотребностью, конечно. Ладно! Поэтому не буду я его осуждать. Разве я его осуждаю? Я его не осуждаю. Что мне его осуждать? Наоборот, над ним, как он сказал, смеются. Так вот, ну да, я над ним только что и посмеялся сам. С другой стороны, если он сам об этом заявил, и мы выяснили, что к нему возвращается то, что он когда-то сам посеял. Как говорится, посеешь ветер — пожнёшь бурю. Вот тебе, пожалуйста, Гирш, буря к тебе возвращается. И разве я виноват, ребятушки, что со своей стороны тоже во мне рождается какой-то ветерок, дующий в его сторону? Да, конечно, не виноват. Значит, всё это объективно, правильно и совершенно справедливо. Так что, Эмик, продолжай. Внимательно я тебя слушаю. Ну что, Эмик, я ещё могу сказать тебе? Всё правильно ты высказал ему. Всё правильно, всё верно. Вроде бы ничего мы не упустили. Конечно, тщеславие — грех, гордыня — грех. Сребролюбие... А, кстати говоря, что он мне начеркал-то здесь? Так, ага. Ого, знакомая фамилия! Так, как мы к этой фамилии-то сможем подобраться-то, а? Тут дело тонкое, потому что... «Патек» -то, «Патек Филипп»... Но не в моих правилах, Эмик, брать натурой, не надо нам, ещё слух пойдёт, что Затылкин натурой берёт или, не дай Б-г, в кредит работает. Не надо нам доходить до такого, надо как-то помочь человеку со своей стороны. Ведь мы же с тобой, Эмик, помогаем людям, да? Да, верно. И так помогаем, и эдак можем помочь. Так-с, через кого же, как же, что же мы так? Залог есть залог — это хорошо, это говорит о том, что человек на правильном пути. Во всяком случае, с правильного пути он не сбивается. Так, кого же мы можем подключить? Думай, Эмик, думай. Ну вот, соответственно, вернётся к нему малой толикой весь этот «юмор и сатира», которые он

изливал, особенно с больших экранов по вечерам в своих передачах. Но он же не сам, он же только озвучивал, там ему редакторы писали в основном, мы же все прекрасно понимаем. Он и сам признался, что сам он никто и ничто, просто попка-дурак. Всё это редакторы ему так подсурили. А что с другой стороны? Они подсурили, а озвучивал-то всё это он: хиханьки да хаханьки. Пожалуйста, весь этот юмор, сатира. Отвечает тот, кто сказал, а не тот, кто подумал. Если ты про кого-то плохо подумал, то про тебя тоже могут плохо, но только лишь подумать. А если ты уже хиханьками своими да хаханьками довёл до такого, что набралось сорок вёдер и сорок бочек арестантов, то в какой-то момент тебе это всё польётся обратно маленькими ручьями, а потом большой рекой, да. Так, кому же звонить? Кому же позвонить можно будет? Так, если этот товарищ... Ладно. Ну, наверное, Аркашеньке, можно будет звякнуть. Именно звякнуть, не писать. Прямо позвонить так вот и прямо застать врасплох. Так, ну что, Гирш? Гирш, молодец, но Гирш — всё. Конечно, смешно наблюдать за этими метаниями, да? Взрослый человек. А о чём ты думал-то раньше все эти годы? Все эти долгие-долгие годы, вот так расплёскивая и сатиру и юмор по поводу и без повода. О чём же думала твоя головушка, дорогой, а? Что всё вот так просто будет и никогда к тебе ничего не вернётся? Да, вот это лишний раз говорит и о моральной составляющей наших «элит» и о нравственной стороне всего этого, с позволения сказать, шоу-бизнеса, телевидения, этих так называемых звёзд и прочих-прочих блатных, я не побоюсь этого слова, гуманитарных скотов. Да, вот так вот! Ты про них, да, Эмик? Вот так вот ты про них уже, да? Ну, что ты, не надо злословить! Да я не злословлю. Ну что мы будем, да? Всё равно, согласишься, что все мы люди, все мы человеки, все мы так или иначе допускаем в себе какие-то вольности. Ну да, соглашусь, конечно. Ну, вот и если б не было у кого-то таких вольностей, Эмик, то не было бы у тебя, во-первых, твоей работы, дорогой мой. Ты не забывай. Да, согласен, хорошее замечание. А во-вторых, дорогой мой, не было у тебя всего того, что ты сейчас имеешь, лапочка ты моя. Ты сел не просто на золотую жилу, даже не на алмазную, где что-то надо огранять. А ты сел просто на бриллиантовую жилу, где всё уже готово, просто возьми и отмой от говна, понимаешь? Просто отмой от говна, как это у тебя хорошо получается, и выстави на витрину под свет. Просто продолжай делать то, что делаешь. И будь, Эмик, благодарен! Эмик, будь благодарен за то, что у тебя есть то, что ты имеешь! Да я-то благодарен, я-то сам знаю прекрасно. Вот, Эмик, и когда ты злословишь, то ты в это время, пожалуйста, ещё и обязательно скажи «спасибо». Я не забываю об этом, не забываю именно «спасибо» за то, что есть такие люди и есть такие вопросы, моменты, которые нуждаются в проработке. И что вся эта так называемая «элита», она ничем, по сути, не отличается от обычных людей. Что есть элита? Что есть обычные люди? Всё, что мы видим вокруг себя, всё это и есть обычные люди, потому что у всех у них вопросы одни и те же. Просто кто-то хочет их решать при помощи специалиста, а кто-то нет. А кто-то, если он хочет, то идёт к самому лучшему специалисту, Эмик, к тебе. И ты берёшь за это огромные бабки, Эмик, и надо сказать, не зря берёшь и решаешь вопросы. Поэтому ты на своём месте, а все эти несчастные людишки — на своём месте, Эмик. Всё идёт как надо, Эмик, всё идёт кармическим путём. Всё происходит так, как оно должно идти. Ты выполняешь свою задачу — они выполняют свою задачу.

Они хотят отмыться, Эмик, а ты их отмываешь. Ты просто стоишь в резиновых перчатках, в фартуке таком прорезиненном, и смываешь с них всё то дерьмо, которое из них же вышло и на них же налипло снаружи, не засохло, и ты это, Эмик, смываешь. Вот твоя рабочая суть, Эмик. За это ты берёшь соответствующее вознаграждение, достойное тебя и твоего занятия. Так что, Эмик, деньги не пахнут, скажи «спасибо». Так, Эмик, осталось буквально 10 минут до следующего клиента-пациента. Да, давай, вспоминай, что у нас там? Так, кто? Всё, Гирш, мы с тобой прощаемся. Так, кто у нас там?

Значит, ага, дамочка. Дамочка, дамочка... О, да, помню дамочку! Как же, она у нас будет сегодня второй раз всего. Это у нас свежий клиент-пациент. Угу. Дамочка — молодец, дамочка пришла тратить денежки своего мужа для того, чтобы проработать собственные вопросы вза-

имоотношений с родителями, а конкретно — с матерью. Сверхконтролирующая мать и слабая забитая дочь. Да-да, вот что у нас было. Там мы это увидели. Хорошо, Эмик, дальше, вспоминай, что было? Что было-то? Да, значит, дама совершенно непубличная, мы помним. Из каких кругов? Да, у неё муж генерал ФСЗВ. Хотим мы вообще как-то вспоминать фамилию этого генерала ФСЗВ? Нет, не хотим. Не дай Б-г, чтобы мы тут ещё вспоминали и называли какие-то фамилии генералов ФСЗВ и вообще кого бы то ни было из ФСЗВ в данном конкретном разрезе психического и ментального здоровья, не дай Б-г, а уж тем более семья — это всё святое. Не трогаем своими заскорузлыми мозолями святых имён. Так, всё, пускай остаётся у нас он за дверями, этот муж. Но он фактически оплачивает всё это дело, да? Значит, всё-таки... А что по оплате? А по плате-то она оплатила вперёд 10 сессий. Это очень воодушевляет, это сразу настраивает на рабочий лад, на сверхрабочий лад. Итак, у нас сверхконтролирующая мать, тяжёлое детство. Рабоче-крестьянское или пролетарское происхождение? Так, давай вспомним, что именно. Да, даже не не рабочее, не пролетарское, а просто крестьянское происхождение. Так, из грязи в князи, хорошо. Всё там вот так. Ну, типичная обычная история. Девочка росла, сейчас это уже, конечно, девочка на пятом десятке, уже скорее даже к пятому своему круглому юбилею уже подвигается. Но, Эмик, надо сказать, что она очень даже ничего. А с другой стороны, с такими деньжищами, как ты можешь быть замухрышкой-то? В любом возрасте с такими деньжищами будешь очень даже ничего. Но она прямо, слушай, она сохранилась очень-очень. Да, прямо вспомни, Эмик, ведь привстал даже, да? Привстал даже! Ой, да, Эмик, ну что это?! Нельзя, так, нельзя, это же неэтично! Давай, отключай нижнюю чакру. Пока время есть, это всё нужно тоже зафиксировать, всё прямо намертво к ноге прибить и всё, не надо это, ты что? Давай, открываем средние и высокие чакры. Заранее подключаемся к высшим сферам и помогаем людям, Эмик, помогаем людям и не лезем в семью ФСЗВ. А то, не дай Б-г, можно ещё и вляпаться в какую-нибудь дурнопахнущую историю, нам не надо никуда вляпаться! Так, ну вот, уже осталось буквально несколько минут. Ждём мадам.

Угу. Так что у нас всё тут всё опрятно-аккуратно всё. К следующему клиенту мы готовы? Ага.

— Стеллочка, — пишет он снова в мессенджер, маякни мне, когда придёт наша замечательная гостя, я у себя, нам ничего не надо, но если что-то понадобится, может быть, воды или, может быть ещё что-то, я тебе напишу, будь готова тогда. Хорошо?

— Да, Иммануил Эммануилович, я жду. И я обязательно на связи, на контакте. Если что-то понадобится — я рядышком тут, за стеночкой, всё как обычно, всё хорошо.

— Хорошо, — ответил он ей.

Занял своё место за рабочим столом. Окинул взглядом предметы, которые были на нём. Всё было в полном порядке, никаких лишних деталей на столе, чтобы могло как-то отвлечь его или клиентку. Ой, какие-то мысли случайные там могли быть... Нет, всё было чисто, аккуратно, опрятно. Всё, мы готовы к работе. Наконец по громкой связи Стелла объявила: «Иммануил Эммануилович, Наталья Георгиевна уже здесь». Затылкин поспешил ответить: «Да, пожалуйста, пригласите. Я жду, очень жду, уже жду». И в ту же минуту открылась дверь, и в кабинет Иммануила Затылкина... Как бы вам это сказать... Не вошла. Нет, это было бы банально. И не впорхнула.

Ну что вы? Возраст всё-таки не студенческий. Глагол, который бы здесь больше всего подошёл, относится к разряду глаголов действия. Но нет такого отдельного конкретного глагола, он не может прийти на ум вот просто так, который обозначал бы, знаете, такое постепенное захватывание пространства человеком и всеми его слоями ауры, которая вокруг него, безусловно, была включена.

Итак, открылась дверь, и первым слоем ауры мы увидели восхитительный, просто элегантнейший, очень дорогой и отлично пристроенный по фигуре модный актуальный наряд этой дамы. Затем мы увидели её глаза, которыми она встретилась с глазами Иммануила Затылкина,

которые находились за линзами достаточно толстых круглых очков, но от её обворожительного взгляда глаза психоаналитика тоже в ответ заискрились, обросли лучиками морщин его глаза по бокам. Немножко они так подмасленились, что тут же сосчитала Наталья Георгиевна. Немножко, она, естественно, отметила это тут же про себя, слегка расстроилась оттого, что вот ещё один мужчина смотрит на меня как женщину. С другой стороны, тут же она обрадовалась, что ещё один мужчина смотрит на неё как на женщину. Во, вот это хорошо! Тут же до носовых рецепторов Иммануила Затылкина дошёл дорогуший элегантнейший парфюм Натальи Георгиевны, а потом уже и остатки её собственного аромата тела, которые в сочетании с парфюмом представляют собой феромоны или ещё что-то такое. В общем, естественный мощнейший афродизиак, от которого, к сожалению или к счастью (скорее всего, к счастью в целом, но в данном конкретном случае, к сожалению) очень даже заметно у Иммануила Эммануиловича привстал. Слава Б-гу, что он не успел вскочить из-за стола, сидел на кресле, потому что было бы это всё конфузно наблюдать, конечно. Всё-таки это было бы неуместно. Он жестом и кивком головы предложил ей присесть на кушетку, чтобы дать себе время остыть и со своего места по громкой связи попросил Стеллу зайти и принести чай для нашей гостьи и для него.

— Вам с сахаром или без сахара?

Кивнула Наталья Георгиевна, подтверждая догадку, что она всё-таки чаеман, а не кофеман. Ну и понятное дело, какой кофе, когда на дворе уже совсем темно, вечер. Тут Иммануил Эммануилович был очень тонкий психолог, благо это его профессия. Естественно, он мог с первого взгляда отличить чаемана от кофемана. В данном случае, конечно же, Наталья Георгиевна была чаеманом, он это отметил ещё в первую встречу. Пока то да сё, пока они перекидывались словами и вели ничего не значащие разговор о погоде, всё уже и упало у Затылкина. Он уже и забыл думать про этот момент. Как раз Стелла принесла чай, чайничек, всё это оставила: чайничек, чашки, блюдце и сахар. Вышла, закрыв за собой двери и предусмотрительно выключив верхний свет, оставив приглушённый специальный, так называемый рабочий свет. Когда освещение поменялось, обстановка стала совершенно рабоче-интимная, и Иммануил Эммануилович объявил: «Что ж, Наталья Георгиевна, чувствуйте себя как дома, располагайтесь, сессия начинается». Спасибо большое, Иммануил Эммануилович, — сказала Наталья Георгиевна и устроилась поудобнее на кушетке, поставив сумочку на пол, прямо на ковровое покрытие.

## **Конец ознакомительного фрагмента.**

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.